

«С разрешения Его Сиятельства Графа назначены семь человек на отдачу в рекруты...»

Вячеслав Н. Горелов

ООО «Таврида Электрик», Москва, Россия, gvn@tavrida.com

Аннотация. Рекрутская система, помимо комплектования армии и флота нижними чинами, исполняла еще одну функцию – карательную. Отдачей в военную службу наказывались мелкие воры, бродяги, беспаспортные, пьяницы, а также нерадивые к домоводству, неплательщики податей, самовольные порубщики леса, «предерзливые» и иные лица, по разным причинам неугодные обществу или помещику. В данной работе на материалах поместно-вотчинного архива Шереметевых подробно рассматривается механизм управления вотчинами, направленный на очищение сельского общества от неплательщиков оброка и лиц порочного поведения путем отдачи их в рекруты. Показано, в частности, что этот процесс со стороны вотчиновладельца носил продуманный, организованный и систематический характер, что в ряде случаев приводило к массовой, до нескольких десятков человек одновременно, отдаче крестьян в военную службу. Окончательное решение о наказании принималось графом с учетом мнений мирского общества, вотчинных и домового правлений.

Ключевые слова: рекрутская система, Шереметевы, мирской приговор

Для цитирования: Горелов В.Н. «С разрешения Его Сиятельства Графа назначены семь человек на отдачу в рекруты...» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 76–93. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-76-93

“With the permission of His Excellency the Count,
seven people are sentenced to send them to recruits...”

Vyacheslav N. Gorelov

Tavrida Electric Ltd., Moscow, Russia, gvn@tavrida.com

Abstract. In addition to completing the army and Navy with lower ranks, the recruiting system performed another function, i.e. punitive. Small-time thieves, vagabonds, persons having no passports, drunkards, as well as negligent housekeepers, tax evaders, unauthorized woodcutters, “the insolent” and others, who for various reasons being objectionable to society or the landown-

er, were punished by sending to military service. In this paper, based on the materials of the local patrimony archive of the Sheremetevs, the patrimony management is considered in detail, as a mechanism aimed at clearing the rural society of the taxes non-payers and persons of depraved behavior by sending them to recruits. It is shown, in particular, that such a process on the part of the patrimony owner was a thought-out, organized and systematic one, what in some cases led to a mass, up to several tens people at a time, provision of peasants for military service. The final decision on punishment was made by the Count, taking into account the opinions of rural commune, patrimonial and house boards.

Keywords: recruiting system, the Sheremetev family, rural commune sentence

For citation: Gorelov, V.N. (2020), "With the permission of His Excellency the Count, seven people are sentenced to send them to recruits", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 76-93, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-76-93

Введение

В предыдущих работах нами рассматривались различные аспекты карательной функции рекрутской повинности – сюжета, который до настоящего времени не подвергался систематическому изучению. Были исследованы процесс формирования правового пространства за период с начала XVIII до середины XIX столетия, предприняты попытки оценить количественные характеристики явления и выявить истинную мотивацию владельцев при отдаче в рекруты порочных крестьян и дворовых. На некоторых примерах мы рассматривали практику правоприменения, сравнивая ее с соответствующим набором узаконений [Горелов 2012, Горелов 2014а, Горелов 2014b, Горелов 2015]. Однако нам пока не удалось сопоставить «механизм» принятия и реализации владельческих решений, с одной стороны, и решений, которые принимала сельская поземельная община на мирских сходах – с другой. Такое сопоставление, между тем, представляет значительный интерес, поскольку в очищении сельского общества путем изъятия из него порочных людей отдачей в смиренный дом, на поселение или в рекруты должны быть заинтересованы обе стороны – как владелец, так и члены общины.

Для того чтобы исследовать взаимодействие мирян, управленческого аппарата и самого вотчинладельца, необходимо располагать консистентным и репрезентативным набором документов, прошедших через всю цепочку отношений снизу доверху. Такую

возможность предоставляет уникальный фонд Шереметевых, хранящийся в Российском государственном историческом архиве. В числе прочих в этом фонде содержатся материалы по разным вопросам управления хозяйством и крестьянами, дела об отдаче крестьян в рекруты, а также документы вотчинных правлений, включая приговоры мирских сходо́в.

Проанализируем выявленные нами документы, но вначале покажем, как был устроен аппарат управления сложным хозяйством одного из крупнейших помещиков и землевладельцев России.

Согласно исторической справке, представленной в предисловии к описям шереметевского фонда, в первой половине XVIII в. центральное управление вотчинами осуществляла Домовая канцелярия в Москве. В 1768 г. была учреждена Санкт-Петербургская домовая канцелярия, имевшая одинаковый статус с Московской. При графе Николае Петровиче возникла Собственная канцелярия для рассмотрения дел, представлявшихся на его личное рассмотрение, которая в 1807 г. была преобразована в Главную домовую канцелярию для управления всеми вотчинами, но в Москве для управления московскими и подмосковными домами оставалось Московское домовое правление.

Спустя некоторое время, в период опеку́нства над малолетним графом Дмитрием Николаевичем, Московскому домовому правлению были возвращены все подмосковные вотчины. При этом Московскому домовому правлению, в состав которого входило Московское крестьянское правление, было дозволено действовать независимо от Главной домовой канцелярии, которая в 1840 г. была переименована в Петербургскую домовую канцелярию. В 1855 г. все правления (Московское домовое, крестьянские и вотчинные), а также Петербургская домовая канцелярия были переименованы в конторы, а из названий Московской и Петербургской контор изъято обозначение «домовая».

Отдельного описания заслуживает деревня Выхино, поскольку значительная часть представленных здесь материалов посвящена событиям, связанным с Выхинским вотчинным правлением. К началу XIX столетия в Выхино насчитывалось около ста дворов и проживало немногим более тысячи лиц мужского и женского пола, к 1850-м гг. общее количество населения выросло до 1379 человек. Крестьяне вотчины состояли на оброке, который в середине XIX в. составлял 3653 рублей в год. Выхинская вотчина располагалась на Коломенской дороге, что позволяло крестьянам сдавать помещения под постоянные дворы и харчевни, а также заниматься торговлей. Деревня управлялась Выхинским вотчинным правлением, с 1855 г. – вотчинной конторой.

*Материалы поместно-вотчинного
архива Шереметевых*

Перейдем теперь к рассмотрению конкретных дел об отдаче крестьян в рекруты. Одно из них, наиболее емкое и содержащее практически полный набор документов, посвящено отдаче в военную службу крестьянина Василия Шевелева, о судьбе которого мы узнаем из приказа управляющего Московским домовым правлением Выхинского вотчинному правлению № 2125 от 10 июня 1844 г.¹

Выхинский крестьянин Василий Шевелев находился в работниках у одновотчинного крестьянина Филиппа Кокорина и по его жалобе был наказан розгами приказчиком Рыбальченковым «за обиду, грубости, подозрение в краже бутылки рома, а также за неприличные телодвижения в присутствии правления, дерзкие ответы и пьянство». Спустя два дня после наказания крестьянин Шевелев изобразил из себя помешанного и находящегося при последнем издыхании, причастился Святых Тайн, но был осмотрен медицинской комиссией, которая признала его совершенно здоровым.

Несмотря на этот вердикт, дело о наказании Василия Шевелева дошло до уездного суда, который, впрочем, полностью оправдал Кокорина и Рыбальченкова, причем при производстве дела последним были истрачены деньги в сумме 290 рублей 50 копеек. Во время судебных разбирательств мать Шевелева, вдова Матрена Петрова, на руках которой, кроме сына Василия, было еще трое сыновей и две дочери, по совету многоопытного кляузника крестьянина Андрея Шелестова направила три жалобы военному генерал-губернатору и гражданскому губернатору на медленное производство дела о побоях и жестоком наказании ее сына.

В декабре месяце 1843 г. Московское домовое правление доложило о происшествии и завершении судебного разбирательства его сиятельству графу Дмитрию Николаевичу Шереметеву, который повелел сына вдовы Матрены Петровой Василия наказать отдачей в рекруты, что и было исполнено. Кроме того, распоряжением графа предписано было представить рекрутскую квитанцию к зачету за другое семейство, с принятием от этого семейства двух тысяч рублей ассигнациями, из которых 290 рублей 50 копеек должны быть выданы приказчику Рыбальченкову в счет погашения судебных издержек, а оставшиеся 1709 рублей 50 копеек обращены в доход графа Шереметева. Крестьянка Матрена Петрова освобождалась от всякого взыскания за жалобы, обращенные к высокому начальству, поскольку семейство ее уже было наказано лишением одного

¹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 15. Д. 191. Л. 32–34об.

из сыновей и зачетной рекрутской квитанции, а также потому, что она «в настоящем деле была подстрекаема крестьянином Шелестовым». Крестьянину Шелестову, которого домовое правление за «праздношептание и вредные для начальства действия, возмущающие других крестьян к неповиновению»² предлагало выселить из вотчины или отдать в смиренный дом, графом было сделано великодушное снисхождение, а именно выговор с предупреждением, чтобы тот впредь не вмешивался в дела, его не касающиеся.

Выкупить рекрутскую квитанцию за порочного крестьянина деревни Выхиной Василья Шевелева на мирском сходе вызвался крестьянин деревни Жулебиной Тимофей Кожуханцев, а поскольку он, Кожуханцев, поведения был хорошего, трезвого и к «домоводству трудолюбив», то вотчинное правление обратилось в вышестоящее домовое правление с ходатайством предоставить отсрочку в платеже одной тысячи рублей на один год, чтобы для выкупа квитанции можно было обойтись без продажи домашнего скота. Домовое правление с этим не согласилось, поскольку помимо Кожуханцева выкупить рекрутскую квитанцию вызвались Выхинской вотчины крестьянин Петр Сосунов и крестьяне Островецкой вотчины Назар и Григорий Смурыженковы. Все они готовы были внести одновременно не только 2000 рублей, но и 101 рубль 50 копеек в погашение издержек, которые мирское общество употребило при предоставлении порочного крестьянина Шевелева в рекруты³. Тем не менее в августе 1844 г. состоялся мирской сход, на котором крестьяне «положили»: квитанцию за Шевелева зачесть семейству Кожуханцева, приняв от него 2000 рублей.

Казалось бы, дело об отдаче Василья Шевелева в рекруты можно было считать улаженным ко всеобщему удовлетворению. Однако крестьянская вдова Матрена Петрова полагала иначе. Желая, чтобы рекрутская квитанция за сына Василья была зачтена не Кожуханцеву, а собственному ее семейству, она обратилась с жалобой на домовое начальство в правительство, которое назначило расследование и дополнительные проверки.

² Там же. Л. 32об.

³ Крестьяне не всегда проявляли такую способность выкупить рекрутские квитанции, как в данном случае. Например, в марте 1829 г. по распоряжению графа положено было зачесть семь человек крестьян, отданных в рекруты «за непрочность к вотчинам», за семейства тех, кто сможет внести по две тысячи рублей ассигнациями в доход его сиятельства за каждого отданного, и Иевлевскому вотчинному правлению было предписано объявить об этой возможности. Однако в апреле крестьяне деревни Сенчуковой уведомили домовое правление, что «по неимуществу никто никакой суммы взнестъ не может». См.: РГИА. Ф. 1088. Оп. 16. Д. 64. Л. 2, 3.

Прошло два года. По итогам работы ревизоров, а также следователей (экспедитора Моисея Ферапонтова и столоначальника Михаила Боровкова) в удовлетворении просьбы вдове Матрене Петровой было отказано, и в июле 1847 г. просительница была предупреждена, чтобы «впредь не смела более подавать вздорных просьбы, иначе будет оштрафована»⁴ (оштрафована Выхинским вотчинным правлением по представлению Домового правления, которое утверждено графом. – *В. Г.*).

Настойчивую Матрену Петрову, крестьянскую вдову Шевелеву, это не остановило. Она обратилась с всеподданнейшим прошением к графу Дмитрию Николаевичу Шереметеву, убеждая его в том, что жестоко избитый розгами ее сын Василий пострадал невинно, обвинивший его в пороках крестьянин Кокорин имел дружественные связи с приказчиком, а рекрутская квитанция неспроста зачтена за семейством крестьянина Тимофея Кожуханцева, потому как он является племянником крестьянина Кокорина. В заключение «плачущаяся вдовица», умоляя графа зачесть рекрутскую квитанцию за оставшихся трех сыновей, прибегла к последнему доступному ей средству: она попросила графа дать возможность мирскому обществу удостоверить отсутствие пороков у отданного в рекруты сына Василья и заявила о готовности строго ответить по закону, если окажется какая-либо ее неправда. Граф Шереметев предписал вотчинному правлению немедленно прислать ему справку и отзыв мирского общества по делу просительницы.

Судя по документам, мирской сход собирался дважды. Итоги первого схода просительницу не удовлетворили, поскольку общество было собрано неполное и составленное из родственников Филиппа Кокорина, о чем Московскому домовому правлению заявил Никита, один из сыновей Матрены Петровой. Поэтому вотчинному правлению предписано было собрать полный сход, устранив из одного Кокорина, Шевелевых и их родственников. Собравшийся в первой половине ноября 1847 г. повторный мирской сход постановил: «Крестьянин деревни Выхиной Василей Матвеев Шевелев отдан в рекруты нам неизвестно за что и ныне предоставить зачет квитанции семейству просительницы не можем, а предаем в волю Его Сиятельства Графа и Высшаго Начальства»⁵.

Столь обтекаемая формулировка позволила высшему начальству полностью взять в свои руки бразды правления и 31 декабря 1847 г. завершить долгое и запутанное дело об отдаче порочного крестьянина Василья Шевелева в рекруты, а именно: квитанция за

⁴ РГИА. Ф. 1088. Оп. 15. Д. 191. Л. 48, 50об.

⁵ Там же. Л. 56об.

отданного в рекруты сына просительницы была все-таки зачтена родовому семейству, то есть вдове Матрене Петровой; две тысячи рублей, внесенные Тимофеем Кожуханцевым за рекрутскую квитанцию, оставлены в казне графа; взамен семейству крестьян Кожуханцевых, чтобы они не понесли при рекрутском наборе утрату лучшего работника, обещано было зачать «первую могущую быть свободную рекрутскую квитанцию».

Завершая описание этого процесса, обратим внимание на следующие существенные детали.

Мирской сход, от участия в котором были отстранены Шевелевы, Кокорин «и все их родства», а также требование вдовицы Шевелевой собрать «полный» мирской сход всецело соответствовали практике сельской поземельной общины и требованиям закона. В некоторых мирских приговорах содержатся прямые тому свидетельства. Например, 10 июля 1850 г. на мирском сходе крестьян деревни Выхиной рассматривалось дело о членовредительстве крестьянина Якова Калугина, который якобы намеревался отрубить себе руку, чтобы его не отдали в солдаты. В мирском приговоре указано: «Крестьянин Алексей Иванов Дронов в Выхинском вотчинном правлении *при добросовестных крестьянах* показал, что...» (здесь и ниже выделено нами. – В. Г.)⁶. 28 февраля 1860 г. крестьяне деревни Выхиной, «быв собраны в вотчинную контору на *полный мирской сход*», приговорили Семена Страхова, Василия Барляева и Ивана Норовлева к отдаче в рекруты за развратное поведение⁷.

Попутно отметим, что за соблюдением кворума власть следила во всех пределах империи. Так, в 1840 г. мещане города Симферополя в количестве двадцати человек на мирском сходе приняли решение об отдаче в рекруты Василия Поповенка за буйное поведение и неплатеж податей. Прежде чем утвердить приговор, гражданский губернатор счел необходимым удостовериться, что мирская сходка была достаточно представительной для принятия решения. Лишь убедившись в том, что постоянно живущих в Симферополе и отбывающих все повинности не более двадцати пяти семейств и мирской приговор составлен и подписан «*личными мещанами, имеющими в городе Симферополе оседлость, и кои составляют как при выборах, так и при разных случаях целое общество*»⁸, губернатор начертал на мирском приговоре положительную резолюцию.

Количество домохозяев, которое необходимо было собрать для рассмотрения обвинения, и число голосов, коим достигалось

⁶ РГИА. Ф. 1088. Оп. 15. Д. 430. Л. 11.

⁷ Там же. Д. 681. Л. 2.

⁸ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 11251. Л. 4, 4об.

принятие решений, регламентировал Устав рекрутский от 28 июня 1831 г.⁹ В частности, если на мирском сходе принималось решение к представлению в рекруты, то из числа проголосовавших «за» по жребию выбирались 24 человека, которые «должны под присягою показывать, что по совести своей считают обвинения и приговор справедливыми». Количество дающих присягу (24 человека) было неслучайным: оно соответствовало ряду предыдущих узаконений¹⁰.

Для полноты картины следует, однако, помнить, что, во-первых, до вступления в силу Устава рекрутского в вотчинах Шереметевых был заведен свой порядок утверждения мирских приговоров. Этот порядок регламентировал «Наказ домовой канцелярии августа 23 дня 1799 году в отдале в будущие наборы из моих вотчин и дому в рекруты и в разбирательстве очередей и впоследствии сего к разрешению относящихся к тому обстоятельств»¹¹. В соответствии с наказом на каждого крестьянина, отдаваемого в рекруты за «продерзости», составлялась и графу предоставлялась записка, заверенная вотчинным начальником, старшим земским, двумя или тремя старшинами, а также двумя или тремя крестьянами, подтверждающими, что обвиняемый в пороках «действительно изобличен».

Во-вторых, мирские приговоры (и, как будет показано ниже, приложенные к ним семейные списки) служили основанием для отдачи в рекруты крестьян, дворовых же людей отдавали в военную службу по личному распоряжению графа через собственную его канцелярию. Так, 19 ноября 1803 г. графом Шереметевым был дан наказ отдать в рекруты за Воронежскую вотчину находящегося у управителя Никиты Сварачаева в мальчиках дворового Григория Костромина «за беспрестанное пьянство, буйство и другия непорядки и озорничества» со взысканием с очередных крестьян в казну графа шестисот рублей. Спустя месяц, 18 декабря, за распутное поведение и пьянство велено было отдать в рекруты дворового человека Ивана Корнилова¹². Документы, послужившие основанием для принятия графом этих решений, в архиве не сохранились, в реестре наказов они также не упомянуты.

В-третьих, решение об отдаче в рекруты утверждалось графом с учетом прилагаемой к мирскому приговору подробной выписки

⁹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 6. Отд. 1. № 4677. С. 540–541.

¹⁰ См., например, именной указ, объявленный Сенату министром юстиции «О чинении мирских приговоров об отдаче в рекруты или на поселение крестьян распутного поведения в Волостном Правлении под присягою не менее 24 человек». ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 30. № 22982. С. 200, 201.

¹¹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 181. Л. 2об., 3.

¹² Там же. Д. 216. Л. 317, 341.

вотчинного правления из очередной и ревизской книг «с показанием обоего пола душ и рекрутским исправлением». Например, об упомянутом ранее Семене Петрове Страхове узнаем, что ему 23 года, он холост, а в семействе восемь душ: отец Петр 55 лет, мать Пелагея 45 лет, братья Михайло и Петр 18 и 3 лет, а также сестры Аграфена, Прасковья и Наталья 24, 21 и 13 лет от роду. С семейством Страховых проживает также Анна 74 лет, жена Василия, дяди Семена Страхова, сын которых Иван в 1849 году был взят в дворовые в московский дом Шереметевых. Рекрутской повинности семья не отбывала с 1828 г., когда в рекруты был отдан Василий Андреев, двоюродный брат Семена Страхова.

Состав семьи крестьянина, отдаваемого в военную службу, имел особое значение в тех случаях, когда в семействе оставались в основном лица женского пола и малолетние дети. Показателен следующий пример.

В марте 1843 г. после отдачи в рекруты «за предосудительные поступки» крестьянина деревни Выхиной Петра Ермакова остались без единственного работника в семействе его мать Татьяна, жена солдатка Марья Яковлева Ермакова и дочь Марфа. После этого Татьяна Ермакова обратилась к графу с прошением оказать ей пособие, на что в сентябре 1843 г. последовала резолюция его сиятельства: «Спросить мирское общество, не признает ли оно нужным сделать какое-либо обеспечение просительнице, и в чем то обеспечение должно заключаться?». Мирское общество приговором постановило выплачивать на содержание дочери Марфы по десяти рублей ассигнациями в год, с чем, однако, граф Дмитрий Николаевич не согласился. В декабре 1843 г. через посредство домового правления он «к точному и неременному исполнению» предписал: «на содержание оставшейся после отданного за пороки в рекруты крестьянина Петра Ермакова дочери Марфы производить из мирской суммы по тридцати руб. в год до шестнадцатилетнего ея возраста, так как полагаемых мирским обществом по 10 руб. в год, на содержание ея, совершенно недостаточно»¹³.

Дело Петра Ермакова любопытно еще и потому, что в нем содержится неместный отзыв графа о качестве мирских приговоров, а именно: «Крестьян, означенных в приговоре о Ермакове, оштрафовать каждого пятью руб.: за то, что зная важность преступления, они судили о нем как о мелочном деле – Выхино в 10 верстах от столицы на большой Коломенской дороге. Случаи, неприятные для проезжающих, будут нередки, если в суждениях положиться на приговор крестьян. Невольно рождается вопрос, что значат ино-

¹³ Там же. Оп. 15. Д. 217. Л. 19об., 29, 29об.

гда приговоры и мнение общества?» Позднее, в резолюции графа Шереметева на мнение Московского домового правления об отдале в рекруты крестьянина Петра Ермакова «как человека весьма вредного» и выдаче соответствующей доверенности повытчику Жукову, было настоятельно указано на необходимость подтвердить Выхинскому обществу, «чтоб впредь основательные делало свои суждения о поступках крестьянских и не допускало бы послабления в своих приговорах»¹⁴. Из сказанного можно заключить, что первоначальный вариант мирского приговора в отношении Петра Ермакова графа не удовлетворил, и он со своей резолюцией вернул приговор обществу, аналогично тому, как это было сделано по вопросу содержания несовершеннолетней дочери Ермакова Марфы.

В этой связи нельзя не согласиться с утверждением, что «приговоры мирского общества порой представляли собой суррогат истинного правосудия, когда решения принимались ошибочно, без разумного основания» [Тенишев 2011, с. 59, 60]. Так было и в 1803 г., когда до графа Николая Петровича дошли сведения, что на мирских сходах всякое постановление принимается не столько по общему согласию мирян, сколько по крику самых бойких. Последние устрашают своих оппонентов тем, что пойдут жаловаться графу, чем и добиваются нужного им результата. Для отвращения этого граф распорядился предписать вотчинным начальникам, чтобы они на мирских сходах «таковых крикунов удерживали и давали свободу всем собравшимся делать свои рассуждения». Если же «крикуны» станут брать верх, не принимая справедливых возражений, то граф дозволил несогласным не подписывать мирской приговор и извещать его, графа, кто именно не согласен и по каким причинам¹⁵.

Необъективность мирских приговоров признавало и вотчинное правление, которое, по этой причине, не всегда соглашалось с принятыми на миру решениями. Например, 6 сентября 1831 г. Иевлевской вотчины крестьяне, выслушав на мирском сходе приказ Московского домового правления о преимущественном приготовлении к сдаче лиц, «непрочных к вотчине», определили в рекруты из порочных крестьян Захара Иванова, а если он окажется негодным, то Никиту Осипова¹⁶.

К мирскому приговору, направленному в Московское домовое правление, были приложены сведения о семействах приговоренных в рекруты и описания их проступков, из которых следует, что

¹⁴ Там же. Л. 7.

¹⁵ РГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 211. Л. 1об.

¹⁶ Там же. Оп. 16. Д. 100. Л. 7, 8об.

Захар Иванов пьяница, к работе ленив, замечен в воровстве. Вопреки распоряжениям местного начальства, он во время предыдущего рекрутского набора отлучился из вотчины и бродяжничал пятнадцать дней, за что наказан розгами 25 ударами. Отец второго приговоренного, Никиты Осипова, замечен в пьянстве, мотовстве, «буйственных» поступках и озорстве, а сам Никита при отдаче в рекруты в Ржевском рекрутском присутствии по наставлению отца «облыжно» притворялся немым¹⁷.

В ответ на это из Московского домового правления поступил приказ, в котором сказано: «Хотя положением велено отдавать в рекруты преимущественно порочных к вотчине крестьян, но из числа приговоренных здесь порочных Захар Иванов не учинил еще такого преступления, за которое должен подвергаться отдаче, и сверх того, с отдачею его останется в доме один работник – брат его Дмитрий с тремя душами женска пола»¹⁸. В отношении Никиты Осипова было установлено, что он подлежит к отдаче в рекруты, но как очередной за свое семейство, а не за пороки, ибо порочен не он, а его отец. В целом Иевлевскому вотчинному правлению было рекомендовано следить за тем, чтобы отдача в рекруты проходила от «большесемейных и отнюдь никто обижен не был», а мирскому обществу надо внушить, чтобы назначение в рекруты не было пристрастным¹⁹.

После этого вопрос о назначении в рекруты повторно был рассмотрен сельским обществом, которое приговорило от 153 душ, которые по Иевлевскому вотчинному правлению числились за графом Шереметевым, отдать в рекруты одного из четырех семейных крестьян, а именно Никиту Осипова, Степана Минеева, Василия Сергеева или Николая Сергеева, и представить их в Тверское рекрутское присутствие. Итоги, как следует из отчета Иевлевского правления графу Шереметеву, таковы: Никита Осипов в рекрутском присутствии «делал притворство», но на сей раз был изобличен отдатчиком и принят в рекруты; Степан Минеев не принят из-за увечья на левой ноге и сухости тела; Василий Сергеев оказался негоден также из-за сухости тела; Николай Сергеев оставлен до будущих наборов²⁰.

В деле ранее упомянутого нами крестьянина Выхинской вотчины Петра Ермакова можно обнаружить еще один любопытный

¹⁷ Там же. Л. 8.

¹⁸ Прасковья, жена Захара, Матрена, жена Дмитрия, и его дочь Василиса. РГИА. Ф. 1088. Оп. 16. Д. 100. Л. 9.

¹⁹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 16. Д. 100. Л. 9, 9об., 10.

²⁰ Там же. Л. 11, 11об., 12, 13.

аспект. В отчете об издержках, показанных старостой Гавриловым, указано, что повытчиком Жуковым при представлении Ермакова в рекрутское присутствие было израсходовано 87 рублей, чтобы Ермаков не был забракован из-за признаков костяных наростов на ногах. По распоряжению канцелярии эти расходы отнесены на счет Троицкой вотчины, которой зачтена рекрутская квитанция на Ермакова. Кроме того, в отчете об издержках значится сумма 8 рублей 50 копеек, данная на обед трем чиновникам, возможно, в качестве дополнительного вознаграждения за принятие нужного повытчику решения²¹.

В другом деле, об отдаче в рекруты Никиты Полякова за дурное поведение, побег из вотчины во время рекрутского набора, грубости против начальства и непочтение к родителю, упомянуты «особые старания» его двоюродного брата – Гаврилы Максимова²². Последний в марте или апреле 1851 г. изрядно поиздержался в рекрутском присутствии, чтобы братец Никита, несмотря на повреждения телесных членов, оказался в военной службе. Это позволило Гавриле вернуть из армии своего единственного совершеннолетнего сына Матвея, который «безвременно» был отдан в рекруты в 1849 г. по 8-му частному рекрутскому набору с восточной полосы империи.

Сделанные наблюдения позволяют утверждать, что скверноприбытчество медицинских чиновников в рекрутских присутствиях касалось не только добросовестных крестьян, поступавших в военную службу в качестве очередных. Подарки и денежные подношения позволяли договориться также по поводу лиц, отдаваемых в рекруты за пороки, причем этот факт не утаивался в переписке между домовым и вотчинными правлениями, а дополнительные издержки возлагались на вотчины, за которыми засчитывались рекрутские квитанции.

Сведения о порочных крестьянах фиксировались в штрафных книгах, которые имелись во всех вотчинах графа Шереметева²³. За ведение книг отвечали вотчинные начальники, они же обязаны были на мирских сходах предупреждать крестьян, чтобы те старались воздерживаться от дурных поступков, за которыми следовала запись в штрафной книге.

²¹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 15. Д. 217. Л. 18об.

²² Там же. Д. 430. Л. 20об., 21.

²³ В ноябре 1836 г. управляющим Петром Любимовым было предписано начиная с 1837 г. завести штрафные книги тем московским вотчинам, где таковых книг еще не было заведено. По всей видимости, к началу 1840-х гг. штрафные журналы (книги) в шереметевских вотчинах велись повсеместно. РГИА. Ф. 1088. Оп. 16. Д. 169. Л. 64.

При получении печатного экземпляра манифеста и указа Правительствующего сената об очередном рекрутском наборе домовое правление направляло в вотчинные правления приказы, требуя, чтобы очередные крестьяне от вотчины не отлучаемы были ни под каким видом, а очередные, которые на промыслах, были собраны в вотчины к назначенному в указе сроку, за что отвечали их семейства.

Помимо этого в означенных приказах содержались следующие требования: «Преимущественно же приготовить к отдаче в рекруты непрочных к вотчине крестьян, о которых заблаговременно доставить в самой скорости сведения и мирские приговоры, о худых их поступках, не были ли они за что наказаны по Гражданскому суду, приложить также справки семействам их, с показанием бывшей от них рекрутской исправы»²⁴. Мирские приговоры и семейные выписки запрашивались заранее потому, что во время самого набора проводилось рассмотрение рекрутских очередей, что требовало особого внимания и осторожности, поэтому суждения о порочных крестьянах делать было «обременительно и поздно». Для подготовки верных сведений «о порочных и неблагонадежных к вотчине крестьянах» использовались в том числе записи из упомянутых штрафных книг. Можно поэтому полагать, что стремление избавить общество от нежелательных элементов путем отдачи их в военную службу носило продуманный и систематический характер.

Это подтверждают выявленные нами случаи массовой отдачи порочных крестьян в рекруты из вотчин графа Шереметева. Так, в 1754 г. была предпринята попытка отдать в военную службу десятерых «подозрительных» дворовых, из которых принято было семь человек, а три человека, Сергей Аргунов, Гаврила Закокин и Тихон Иванов, за негодностью не приняты. Впрочем, вотчинный управляющий Яков Терехов не растерялся и отправил Аргунова и Закокина в село Иваново для отдачи в рекруты через суздальскую провинциальную канцелярию, потому как они, с его точки зрения, по состоянию здоровья были пригодны для военной службы: «рабыты добры, хуже их в означенных семи человеках приняты»²⁵, о чем и были извещены граф Петр Борисович и его супруга Варвара Алексеевна, урожденная княжна Черкасская²⁶.

²⁴ РГИА. Ф. 1088. Оп. 15. Д. 78. Л. 1, 1об.; Оп. 16. Д. 100. Л. 2; Оп. 16. Д. 227. Л. 2, 2об.; Оп. 16. Д. 289. Л. 2, 2об.

²⁵ Там же. Оп. 3. Д. 866. Л. 27.

²⁶ Гражданское состояние графа Петра Борисовича (60 тысяч душ), унаследованное от отца графа фельдмаршала Бориса Петровича, после женитьбы в 1743 г. на княжне Черкасской более чем удвоилось и достигло 140 тыс. душ, сделав его одним из богатейших помещиков России.

В 1839 г. Павловское вотчинное правление, исполняя наказ графа, представило в канцелярию домового правления список из сорока шести порочных крестьян, приговоренных добросовестными крестьянами к отдаче в рекруты. Судя по всему, главной причиной стал неисправный платеж оброка, в числе дополнительных, усугубляющих причин – пьянство, распутство и невоздержанность. Решение об отдаче в военную службу было принято для тридцати семи человек, девять оставлены в вотчине по разным причинам.

Например, Алексей Калинин, 28 лет, оставлен впредь до первого проступка, поскольку за учиненный в 1838 г. проступок он уже был наказан, с тех пор ни в каких пороках замечен не был, недоимки за прошлые года погашены, а недоимку за 1839 г. следовало взыскать со всего хозяйства. Алексея Лапина, 30 лет, решено было оставить в вотчине, «ибо за удалением его останется в семействе один работник при 5-ти женска пола душах; недоимку же взыскать как будет возможно, по усмотрению вотчиннаго начальства». Андрея Лепешкина, 24 лет, оставили в вотчине до первого проступка «из уважения к тому, что два брата его поступили уже в рекруты», но при условии немедленной оплаты семейством всей недоимки. Ивана Родионова, 28 лет, оставили в вотчине, поскольку «за удалением его останется в семействе 58-летний отец его при 4-х женска пола душах», а Константина Гусева, 29 лет – потому что «за удалением его останется в семействе два работника при 12 душах, большею частию малолетних». При этом всем оставленным в вотчинах крестьянам в присутствии правления велено было объявить, что они тоже будут назначены в рекруты, если не озаботятся погашением недоимок и не исправят своего поведения²⁷.

Спустя три года, в апреле 1842 г., девять человек крестьян были отданы в рекруты за неисполнение своих обязанностей к помещику, бродяжничество и пьянство, а вотчинному правлению приказано несусыпно наблюдать за образом жизни крестьян и платежом ими оброков и «неупустительно» доносить домовому правлению о порочных и неплательщиках с приложением семейных списков²⁸. 24 августа того же 1842 г. Выхинскому вотчинному правлению было объявлено о решении его сиятельства графа Дмитрия Николаевича отдать в рекруты за неплатеж оброка по одному годному в военную службу из семи крестьянских семейств Марковской вотчины²⁹, остальным крестья-

²⁷ РГИА. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 966. Л. 31, 31об., 32, 33, 35.

²⁸ Там же. Оп. 15. Д. 178. Л. 3, 3об., 45.

²⁹ Деревня Марково Бронницкого уезда, расположенная в 55 верстах от Москвы, была получена графом Петром Борисовичем Шереметевым в приданое за княжной Варварой Алексеевной Черкасской и предназначалась исключительно для псовых охот, на которые съезжались соседи и приятели графа.

нам велено было объявить на полном мирском сходе «с подписанным подтверждением», что все те, кто удерживает оброк и не вносит в срок положенных денег, будут назначены к отдаче в рекруты «как бесполезные Господину и добрым крестьянам». Таким образом, за 1842 г. через посредство одного только Выхинского вотчинного правления было предписано отдать в рекруты за различные пороки и неплатеж оброка как минимум шестнадцать крестьян.

Важно заметить, что за неукоснительным исполнением распоряжений графа и соблюдением процедуры отдачи порочных крестьян в рекруты Московское и Санкт-Петербургское домовые правления осуществляли строгий надзор. Неисполнение указаний и отклонения от процедуры рассматривались как покушение на господские и мирские интересы, за что нарушителям полагались выговоры, штрафы или удаления от службы. В архиве Шереметевых сохранилось дело 1858–1859 гг. об отдаче в рекруты Алексея Сеземова, «человека вредного, от которого могут произойти несчастья для семейства, селения и общества». На отдачу Сеземова в рекруты имелся даже не один, а два мирских приговора – всеотчинный и деревенский, но исполнить которые можно было лишь после представления этих приговоров в С.-Петербургскую крестьянскую контору для доклада его сиятельству графу Дмитрию Николаевичу.

Однако у управляющего Выхинскою и Островецкою вотчинами Смирнова на руках оказалась доверенность на отдачу порочного крестьянина Алексея Сеземова в рекруты, каковой он, Смирнов, и воспользовался, «не представив приговоров прежде исполнения на благоусмотрение Его Сиятельства Графа и не выждав на сие особого разрешения». Итоги самоуправства таковы: с учетом того, что за Смирновым и прежде числились различные «безпорядки» в управлении вотчинами, он был уволен; другим участникам было объявлено, что если в будущем будет замечена невнимательность к делам или неисполнение приказаний графа «в буквальной точности», то вотчинный староста подвергнется штрафу, а островецкий делопроизводитель Копылев и писец Скотников – удалению от должности³⁰.

Не оставались без внимания и действия лесников, допускавших самовольную порубку леса³¹. В сентябре 1841 г. граф Шере-

³⁰ РГИА. Ф. 1088. Оп. 15. Д. 644. Л. 31, 31об., 32, 32об., 33, 33об.

³¹ Шереметевы, питавшие страсть к охоте, проявляли о лесах особую строгую, хозяйскую заботу. В 1842 г. в Вязовской роще Выхинской вотчины лесниками был пойман крестьянин Иван Дронов со срубленными тремя березками, которые были у него отобраны и привезены в Кусково. Домовое правление оценило рыночную стоимость срубленных деревьев в 10 рублей 80 копеек. Эти деньги были взысканы с Дронова. За повторную самовольную рубку леса ему грозила отправка в смиренный дом. РГИА. Ф. 1088. Оп. 15. Д. 178. Л. 34, 34об.

метев утвердил мирской приговор об отдаче в рекруты лесника Марковской вотчины Андрея Кондратьева за слабое смотрение за лесами, причем было указано, чтобы рекрутскую квитанцию за Кондратьева его родовому семейству не засчитывать: ее следовало продать, а деньги употребить на возврат за порубку леса. Этот пример должен был стать поучительным для вотчинных крестьян, поскольку всякий из них должен опасаться отдачи в рекруты «в случае самовольства, ко вреду господскому направленного»³². После избрания на мирском сходе нового лесника, Филиппа Андреева, в домовом правлении было установлено, что он не только молод, хорошего и честного поведения, но и способен в рекруты, и в случае прегрешений в смотре за лесами сможет ответить за это «своею участию», то есть отдачей в военную службу. Об этом новый лесник был предупрежден по приказу домового правления № 1632 от 28 июля 1841 г.

В заключение приведем не вполне типичную формулировку мирского приговора, вынесенного крестьянами Выхинской вотчины в июне 1850 г. Якову Калугину, который «совершенно озорник нетрезвый, поведения худого, к дому нерадивый, и общедурным поведением и жена его Авдотья». О том, была ли наказана селянами жена Авдотья за «общедурное поведение», мирской приговор не сообщает, но Яков Калугин был отдан в зачет будущих наборов за Выхинскую вотчину в рекруты.

Заключение

Таким образом, изучение фамильного поместно-вотчинного архива Шереметевых позволяет увидеть принципиальную разницу в подходах вотчинладельца и общества на процесс очищения крестьянской общины от порочных элементов. Несмотря на то что базовые устремления помещика и сельского общества совпадали, мотивация и количественные «параметры» могли существенно различаться.

Так, в приказах домового правления, составленным по графским наказам и основанным на учете сведений из вотчинного правления, читается, в первую очередь, необходимость избавиться от крестьян неплатежеспособных. Это влекло за собой массовую отдачу таких крестьян в рекруты, вплоть до нескольких десятков человек одновременно, хотя при этом осуществлялась

³² РГИА. Ф. 1088. Оп. 15. Д. 148. Л. 12, 12об., 17, 17об., 32, 34.

некая неформализованная селекция, цель которой – не допустить потери кормильцев крестьянскими семьями, имеющими многочисленных лиц женского пола и малолетних детей. Порочное поведение крестьян выступало дополнительным индикатором, признаком того, что неплатежеспособность, она же бесполезность господину, обусловлена ленью, невоздержанностью и распутством.

Напротив, в мирских приговорах, вынесенных крестьянской общиной, в большинстве случаев доминируют иные мотивы: пьянство, буйство, нерадивость к дому, воровство, бродяжничество, непочтение к родителю, уклонение от исполнения своих обязанностей по отношению к обществу – иными словами, то, что деформирует фундаментальные нормы обычного права. Мирские приговоры направлены против единичных лиц, реже – против групп количеством не более трех или четырех человек.

Важно, что сведения о порочных крестьянах и их проступках регистрировались в штрафных журналах, и при поступлении очередного манифеста и указа о рекрутском наборе запрашивались домовым правлением вместе с мирскими приговорами и семейными списками. Это позволяло сформировать общий список лиц порочного поведения, которых в качестве первоочередных отдавали в военную службу, если, повторим, уход таких крестьян из общины не налагал на нее чрезмерного обременения, связанного с содержанием остающихся в их семьях. Систематическую и регламентированную наказаниями графа отдачу в военную службу преимущественно лиц порочного поведения следует считать характерным признаком управления вотчинным хозяйством Шереметевых.

Наконец, не менее важно то, что вотчинные правления и мирские сходы (последние – по причине неспособности принимать объективные решения) не были авторитетными носителями финальных заключений по делам об отдаче крестьян в рекруты. Окончательный вердикт являлся результатом взаимодействия всех ступеней управленческой конструкции: сельского общества, вотчинных правлений, домового правления и графа. При этом вотчинные и домовое правления играли, как правило, роль контролеров, а также накопителей и трансляторов информации, в то время как граф выступал в качестве высшей внесудебной инстанции, могущей как согласиться с мнением мирян, так и отклонить его или откорректировать, если предполагалось, что оно не учитывает всех обстоятельств дела.

Литература

- Горелов 2012 – *Горелов В.Н.* «Вместо ссылки в Сибирь на поселение... к отдаче в военную службу рядовыми» // Военно-исторический журнал. 2012. № 11. С. 51–55.
- Горелов 2014а – *Горелов В.Н.* «В условиях воинской дисциплины не представляли особой опасности» // Военно-исторический журнал. 2014. № 2. С. 66–70.
- Горелов 2014б – *Горелов В.Н.* «Отдать в военную службу... с получением следующих по закону денег» // Военно-исторический журнал. 2014. № 11. С. 59–63.
- Горелов 2015 – *Горелов В.Н.* Карательная функция рекрутчины в России 1705–1874 гг. Севастополь: Телескоп, 2015. 224 с.
- Тенишев 2011 – *Тенишев В.В.* Правосудие в русском крестьянском быту. 2-е изд. М.: Либроком, 2011. 200 с.

References

- Gorelov, V.N. (2012), “Instead of sending them to Siberian back settlement... to send to the military service as the ranks”, *Voенno-istoricheskii zhurnal*, no. 11, pp. 51-55.
- Gorelov, V.N. (2014a), “Being influenced by military discipline, persons of depraved behavior are not especially dangerous”, *Voенno-istoricheskii zhurnal*, no. 2, pp. 66-70.
- Gorelov, V.N., (2014b), “To send to the military service ... alongwith getting the money in accordance with law”, *Voенno-istoricheskij zhurnal*, no. 11, pp. 59-63.
- Gorelov, V.N. (2015), *Karatel'naya funkciya rekrutchini v Rossii 1705–1874 gg.* [The punitive function of recruitment in Russia 1705–1874], Teleskop, Sevastopol, Russia.
- Tenishev, V.V. (2011), *Pravosudie v rusском krestyanskom bytu* [Justice in Russian peasant life], 2nd ed., Librokom, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Вячеслав Н. Горелов, кандидат физико-математических наук, ООО «Таврида Электрик», Москва, Россия; 125040, Москва, 5-я ул. Ямского Поля, д. 5, стр. 1; gvn@tavrida.com

Information about the author

Vyacheslav N. Gorelov, Cand. of Sci. (Physics), Tavrida Electric Ltd., Moscow, Russia; bldg 1, bld. 5, 5th Street Yamskogo Polyа, Moscow, Russia, 125040; gvn@tavrida.com